

Ольга Клюкина

Святые в истории

Жития святых

XX век

Праведный Иоанн
Кронштадтский
Преподобномученица
великая княгиня
Елизавета Федоровна
Святитель Тихон, Патриарх
Московский и всея Руси
Мученица Татьяна Гримблит
Святитель Николай Сербский
Святитель Афанасий (Сахаров)
Святитель Иоанн Шанхайский
и Сан-Францисский
Преподобный Паисий
Святогорец
Преподобный Гавриил
(Ургебадзе)

Святые в истории

Ольга Ключкина

**Святые в истории. Жития
святых в новом формате. XX век**

«Никея»

2016

УДК 281.1
ББК 86.372

Клюкина О. П.

Святые в истории. Жития святых в новом формате. XX век /
О. П. Клюкина — «Никея», 2016 — (Святые в истории)

ISBN 978-5-91761-321-5

В серии «Святые в истории» писательница Ольга Клюкина в литературной форме излагает жития христианских подвижников различных эпох. О святых минувших столетий автор рассказывает живым современным языком, делая их близкими и понятными сегодняшнему читателю. Шестая, заключительная книга серии посвящена XX веку.

УДК 281.1
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-321-5

© Клюкина О. П., 2016
© Никея, 2016

Содержание

От издательства	6
Праведный Иоанн Кронштадтский (1829-1908)	7
Преподобномученица великая княгиня Елизавета Федоровна (1864-1918)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

О. П. Клюкина
Святые в истории. Жития
святых в новом формате. XX век

© Клюкина О. П., 2016

© Издательский дом «Никея», 2016

* * *

От издательства

Эта книга подводит итог авторской серии «Святые в истории», в которой писательница Ольга Клюкина в яркой литературной форме представила жития святых на фоне сменяющих друг друга исторических эпох. Не претендуя на научную фундаментальность, книги серии тем не менее позволяют проследить основные вехи истории Церкви от апостольских времен практически до наших дней. А главное, помогают увидеть, что вся история Православия пронизана святостью и складывается из историй реальных людей, которые в своей земной жизни стали «друзьями Божиими», как называл святых преподобный Иоанн Дамаскин.

Серия выстроена по хронологическому принципу и состоит из шести книг. Ключевые моменты истории Церкви и святости каждого периода раскрываются через жизнеописания девяти святых. Ольга Клюкина поместила их жития в широкий исторический контекст, что позволяет более ярко представить реальную жизнь подвижников веры. Однако несмотря на обилие исторических фактов, книга читается удивительно легко, на одном дыхании. Автор делает святых близкими и понятными сегодняшнему читателю.

Шестая книга не случайно целиком посвящена одному столетию: в христианской истории двадцатый век по насыщенности событиями, драматизму и «концентрации» святости сопоставим лишь с первыми веками христианства, а по количеству сохранившихся исторических источников превосходит все предыдущие эпохи.

Более того, многие святые двадцатого века – наши старшие современники, о которых сохранилась живая память. Рядом с нами – их родственники, среди нас еще есть люди, близко знавшие святых, чьи лики сегодня смотрят с икон. Многие из этих святых канонизированы на нашей памяти, кто-то – совсем недавно. Например, преподобного Гавриила (Ургебадзе) Грузинская Церковь прославила в 2012 году, а в месяцеслов Русской Православной Церкви его имя внесено в 2014 году; преподобный Паисий Святогорец был прославлен Священным Синодом Вселенского Патриархата в 2015 году, и еще в начале 1990-х оба этих святых были живы.

Этот уникальный опыт встречи, возможность прикоснуться к святости, не только помогают лучше понять нашу недавнюю историю и современность, но и приоткрывают завесу над подвигом святых далекого прошлого. Мученики первых веков уже не кажутся неземными существами, когда читаешь протоколы допросов и письма из тюрем и лагерей новомучеников двадцатого века, а духовные высоты великих подвижников прошлого не кажутся столь нереальными, когда знакомишься с воспоминаниями наших современников о подвижниках последних десятилетий. И хотя сложно в деталях сравнивать жития древних святых с документами недавнего прошлого, в них чувствуется то единство, благодаря которому мы и говорим о неразрывной связи поколений внутри Церкви, – единство следования за Христом.

Праведный Иоанн Кронштадтский (1829-1908)

О, лучшее создание Божие человек!

На палубе колесного парохода «Св. Николай Чудотворец» молча сидели двое. Один – пожилой человек в старенькой соломенной шляпе – читал Евангелие и делал какие-то записи. Время от времени он откладывал книгу на колени и задумчиво смотрел на проплывающие за бортом берега.

Это был не кто иной, как известный на всю православную Россию настоятель Андреевского собора в Кронштадте отец Иоанн Сергиев, или, как звали его в народе, батюшка Иоанн Кронштадтский. Во время путешествия, окруженный со всех сторон водой, отец Иоанн мог наконец-то позволить себе минуты отдыха, и спутники старались его не беспокоить.

Исключение делалось для Сергея Васильевича Животовского, петербургского художника и преподавателя рисования в Ксенинском институте благородных девиц. Он сидел от батюшки на почтительном расстоянии и молча чиркал карандашом.

Что и говорить, нынешним летом господину Животовскому несказанно повезло. Ему выпала честь сопровождать отца Иоанна в ежегодной поездке на Север, в родное село Суру и писать об этом очерки для газеты «Петербургский листок». Свои путевые заметки Сергей Васильевич сопровождал рисунками и фотографиями и даже делал из них эффектные коллажи.

Маршрут всероссийского пастыря по северным рекам был расписан по дням и по часам, но все равно каждый год во время путешествия случалось что-нибудь неожиданное. Например, в 1897 году пароход «Св. Николай Чудотворец», построенный на средства отца Иоанна на верфях Финляндии, сел на мель, потому что оказался непригодным для северных рек, и был продан. Новый пароход, также построенный на средства отца Иоанна, с большими приключениями преодолел опасные для судов бурные Свирские пороги. До последней минуты бывает неизвестно, насколько сильно нынешним летом обмелела река Пинега, полная песчаных отмелей или, как называют их местные жители, заструг. А это значит, что часть пути придется проделывать на лошадях с незапланированными остановками и дорожными приключениями.

Художник Животовский, разумеется, знал о всенародной славе отца Иоанна Кронштадтского, но все же увиденное во время путешествия его изумило. Путешествие в Суру было сплошным триумфальным шествием отца Иоанна.

Оно началось 25 мая 1903 года, в день Святой Троицы, в Кронштадте, где целое море народа собралось проводить отца Иоанна. Некоторые чувствительные барышни рыдали так, словно кронштадтский пастырь покидал их не на месяц, а навсегда.

По всем берегам Ново-Мариинского канала пароход встречали жители окрестных сел. Люди стояли с иконами и хоругвями, нарядные, одетые как на праздник. Одни восторженно кричали слова приветствия и бросали в воздух шапки, другие крестились и с мольбой протягивали к отцу Иоанну руки.

Возле шлюзов и вовсе началось столпотворение. После того, как пущенная в шлюз вода поднимала пароход и он оказывался вровень с берегом, народ цеплялся за борта и долго не хотел отпускать их. Всем хотелось получить из рук отца Иоанна медный образок или крестик, пожаловаться ему на невзгоды, вручить лично в руки записку с изложенной просьбой.

Отец Иоанн приветствовал народ простыми словами: «Здравствуйте, православные, здравствуйте, дорогие детушки, здравствуйте, здравствуй, matka, здравствуй, бабка!». Каким-то образом ему удавалось всех благословить, выслушать, утешить и обласкать. Когда капитан с большим трудом все-таки отчалил, по берегу за пароходом еще долго бежали бабы, дети, старики.

Из-за летних белых ночей водное путешествие по Петербургской, а затем по Олонецкой и Архангельской губерниям казалось господину Животовскому одним долгим счастливым днем. Художник без устали записывал свои наблюдения, рисовал, проявлял фотопластины, чтобы в ближайшем городе, где пароход делал остановку, по почте переправить материалы в редакцию.

Глядя на неутомимого, по-юношески бодрого отца Иоанна, никому из его спутников не приходило в голову жаловаться на усталость.

«Все только поражались энергией этого замечательного человека. Встать раньше всех, отслужить утреню и обедню и, почти не отдыхая, по тяжелой дороге проехать тридцать шесть верст в страшный зной – и не устать, при семидесяти четырех годах от роду, – как хотите, а дело не совсем обыкновенное, – отметил господин Животовский в одном из своих очерков. – За все наше путешествие нам не раз приходилось встречать ровесников отца Иоанна, его сверстников по семинарии. Но какие это все дряхлые старики сравнительно с ним; он кажется молодым человеком, если видеть его товарищей по школе».

Особенно умиляло художника, когда после торжественной встречи в каком-нибудь городе сопровождающие под руки вели отца Иоанна к пристани: «Каково должно быть терпение у этого человека! Будучи всегда бодрым, сильным духом настолько, что способен сообщать эту силу очень многим слабым людям, он беспрекословно позволяет вести себя под руки по совершенно ровному месту, как расслабленного старика, только потому, что знает, что отказать кому-нибудь в таком усердии – это значило бы обидеть человека».

Энергия отца Иоанна удвоилась, когда пароход прибыл в Суру. Казалось, батюшка здесь вообще ни минуты не сидел на месте – с утра до ночи куда-то ездил, хлопотал, осматривал постройки, давал распоряжения.

С тех пор, как отец Иоанн стал совершать ежегодные поездки на родину, село Сура, этот медвежий угол Архангельской губернии, превратилось почти в уездный город. На средства отца Иоанна и его почитателей в Суре были выстроены большой каменный храм в честь святого Николая Чудотворца, новая школа, библиотека, на другом конце села раскинулся Иоанно-Богословский женский монастырь. Да и другие города и села по ходу ежегодного водного маршрута отца Иоанна заметно преобразились, словно очнувшись от вековой дремоты.

От Иоанна Кронштадтского исходила особая энергия пробуждения и обновления – недаром в народе его называли «пасхальным батюшкой».

Пароход «Св. Николай Чудотворец» проплыл мимо отмели, из-за множества облюбовавших ее чаек казавшейся белым островком. Вдруг чайки дружно взлетели – словно сотни белых платков взмахнули в воздухе, приветствуя отца Иоанна в этом безлюдном месте.

Животовский подумал, что, пожалуй, никто в мире – ни один великий художник, музыкант или артист и даже царь – не знал такой всенародной славы и любви, как отец Иоанн Кронштадтский. Не есть ли это вершина человеческого счастья?

Неожиданно отец Иоанн поднялся с места, подошел к Животовскому своей бодрой походкой и встал рядом.

– Вот когда я отдыхаю вполне, только на пароходе и есть возможность провести время в полном спокойствии. Тяжела мне подчас бывает моя популярность, никуда ведь нельзя показаться, нигде нельзя свободно пройти незамеченным... – сказал он, отвечая художнику на невысказанный вопрос.

В пронзительно-серых глазах отца Иоанна было столько затаенной скорби, что Животовский поневоле устыдился пустых мыслей (и что там – тайных мечтаний) о всенародном признании и славе.

Немного помолчав, отец Иоанн стал рассказывать, что настоящее счастье он, пожалуй, испытывал только в детстве, когда мальчиком часть пути шел из Архангельска домой, в Суру, пешком. Могучие сосны представлялись колоннадой огромного храма, небо над головой – куполом, на душе было радостно, и даже немного жутко от близкого присутствия Бога. Идти приходилось босиком, неся в руках сапоги, чтобы не портить дорогую вещь, но он не чувствовал под ногами острых камней и во время молитвы словно парил над землей...

Художник Животовский вспомнил, как во время посещения Архангельской семинарии отец Иоанн быстро прошел в дальний угол семинарского сада и остановился перед высоким деревом.

– Вот мой сверстник, – сказал он сопровождающим. – Здесь было мое любимое место в саду. Под этим деревцем я чаще всего проводил свой досуг и читал книги.

Сергей Васильевич успел сделать карандашный набросок, как отец Иоанн гладит рукой ствол дерева – свидетеля его детских молитв. Этот рисунок получился особенно удачным.

На память о путешествии Иоанн Кронштадтский подарил художнику свой большой фотографический портрет с дарственной надписью: «Любезному, дорогому моему, незабвенному спутнику в Суру и обратно, Сергею Вас. Животовскому, на память. Протоиерей Иоанн Сергиев. 25 июня 1903 год».

Находясь под сильнейшим впечатлением от поездки с отцом Иоанном, С. В. Животовский объединил свои дорожные заметки, фотографии и рисунки и издал книгу «На Север с отцом Иоанном Кронштадтским». Сергей Васильевич вложил в издание книги весь свой капитал, но по неопытности в коммерческих делах наделал долгов. Узнав об этом, отец Иоанн Кронштадтский помог ему расплатиться по векселям и выкупил часть тиража.

В единственной автобиографии отца Иоанна, напечатанной в журнале «Север» за 1888 год, говорится: «Я сын причетника села Сурского, Пинежского уезда, Архангельской губернии. Дома, на шестом году, отец купил мне букварь, и мать стала преподавать азбуку. Тяжело давалась грамота. На десятом году меня повезли в Архангельское приходское училище...»

Сура – так в XIX веке называлась группа из шестнадцати сел и деревень Архангельской губернии, разбросанных по берегам Пинеги и ее притоку, речке Суре, примерно в пятистах верстах от Белого моря. На протяжении трех веков предки Иоанна Кронштадтского по отцовской линии были в здешних краях священниками, дьяконами, чтецами в церкви.

Отец Иоанна Кронштадтского тоже служил причетником, или, как тогда называли, дьячком в Суре в Никольской церкви, настолько бедной, что в ней даже церковные сосуды были из олова.

19 октября 1829 года, в день, когда Церковь празднует память святого болгарского отшельника Иоанна Рыльского, в семье сельского дьячка Ильи Михайловича Сергиева и его супруги Феодоры Власьевны родился первенец, по святцам названный Иоанном, а по-домашнему – Иваном.

В 1839 году родители определили Ивана своекоштным (то есть на собственном содержании) воспитанником в Архангельское приходское училище, тратя на его учебу последние гроши. К тому времени в семье подрастали две дочери: пятилетняя Аня и только что родившаяся Даша. С мальчиками супругам Сергиевым не везло: Никита и Василий не дожили и до года.

Иван сильно расстраивался, что не может оправдать отцовских надежд и хотя бы выучиться как следует читать.

«Среди сверстников по классу я не находил, да и не искал себе поддержки или помощи; все они были способнее меня, и я был последним учеником. На меня напала тоска, – рассказывает Иоанн Кронштадтский в своей автобиографии. – Вот тут-то и обратился я за помощью к Вседержителю, и во мне произошла перемена. В короткое время я продвинулся вперед настолько, что уже перестал быть последним учеником». С ним произошло такое же чудо, как пять столетий назад с отроком Варфоломеем, ставшим великим святым Преподобным Сергием Радонежским. «И открыл мне Господь разум: я озарился светом Божиим – грамота стала мне ясна», – вспомнит об этом чуде отец Иоанн в день своего семидесятилетия в праздничной проповеди.

В 1851 году Иван Сергиев в числе лучших учеников Архангельской духовной семинарии был направлен за казенный счет на учебу в Санкт-Петербургскую духовную академию. В том же году внезапно умер его отец в возрасте всего сорока восьми лет. Чтобы помогать матери и сестрам, Иван на время учебы устроился работать писарем в канцелярии академии за девять рублей ежемесячного жалования и весь свой заработок отправлял в Суру.

Как и многие его однокурсники, Иван Сергиев мечтал после окончания учебы стать христианским миссионером где-нибудь в Америке, Китае или в Сибири. Несколько раз он видел один и тот же загадочный сон: огромный храм, и он, священник, проводит в нем богослужение. Вот только как узнать, в какой части света находится храм, на который ему указывал Сам Господь? Как выяснилось, недалеко от Петербурга, на острове Котлине в Финском заливе. Впервые оказавшись в Кронштадте и увидев собор во имя святого апостола Андрея Первозванного, Иван Сергиев узнал храм из своих снов.

Пророчество стало сбываться после знакомства с настоятелем храма, протоиереем Константином Несвицким, который по старости собирался выходить на пенсию. В храме освобождено место священника, и настоятель надеялся принять на него того, кто возьмет замуж его дочь. Иван Сергиев и Елизавета Несвицкая познакомились, а вскоре и обвенчались.

10 декабря 1855 года в кафедральном соборе Петра и Павла в Санкт-Петербурге Иоанн Сергиев был рукоположен в сан диакона, а 12 декабря состоялась его хиротония в сан иерея,

после чего он получил назначение в штат Кронштадтского Андреевского собора третьим священником. Отец Иоанн прослужил в Андреевском соборе 53 года, вплоть до своей кончины.

Оказалось, для миссионерских подвигов вовсе не обязательно ехать в дальние края: жители Кронштадта знали о Христе не больше, чем туземцы в Африке или в Южной Америке, да и нравы здесь царили почти что дикарские.

«Город этот военный – здесь на каждом шагу встречаешь военных, матросов, мастеровых из гавани и проч. Матросы, большую часть времени проводящие в море на своих судах, попав на берег, стараются использовать свое свободное время во всю ширь, получить как можно больше удовольствий. Поэтому здесь всегда можно было встретить на улице пьяных и слышать о многих безобразиях, – вспоминал отец Иоанн о первых годах своего служения в Кронштадте в беседе с сарапульскими священниками (она состоялась в городе Сарапуле 21 июля 1904 года). – С первых же дней своего служения мое сердце стало болеть при виде такой нехорошей и греховной жизни, и, естественно, явилось твердое намерение как-нибудь исправить этот пьяный, но хороший по своей душе народ».

Помимо пьяных матросов и женщин легкого поведения, в Кронштадте немало было и других сомнительных личностей: в середине XIX века город на острове являлся местом административной ссылки из северной столицы бродяг, нищих и «мелкостатейных» преступников.

Андреевский собор, Кронштадт. Дореволюционная открытка

После службы в храме молодой иерей Иоанн Сергиев шел в бедные районы Кронштадта и делал то, что было в его силах: покупал на свои деньги лекарства и одежду, помогал определить детей бедняков в бесплатные школы, увещевал их отцов-пьяниц. Случалось, отец Иоанн отдавал нищему, которого встречал по дороге, свои сапоги, а сам возвращался домой босиком.

Вера в Бога у отца Иоанна Кронштадтского была неразрывна с верой в человека, с неизбывной надеждой на лучшее в человеке.

«Встань, поднимись. Ты еще не так плох, как о себе думаешь. Бог укрепит тебя, – помолимся вместе», – говорил отец Иоанн тому, кто и сам-то давно на себя махнул рукой. И его вера, подвиг неустанного человеколюбия меняли судьбы людей.

Иерей из Андреевского собора быстро стал в Кронштадте местной достопримечательностью: его знали все полицейские, судебные приставы, чиновники городской управы – он вечно за кого-нибудь хлопотал и ходил по городу в окружении целой толпы нищих.

Дошло до того, что по распоряжению церковного начальства жалование отца Иоанна стали отдавать его супруге, иначе он мог раздать нищим все до последней копейки. Впрочем, вскоре молодого священника пригласили преподавать Закон Божий в Кронштадтском городском училище, и преподавательским жалованием он уже распоряжался по своему усмотрению, то есть без остатка раздавал.

Вскоре выяснилась еще одна из ряда вон выходящая подробность из жизни кронштадтского иерея Иоанна Сергиева: он взял на себя подвиг девства и не имел с женой супружеских отношений (супруги воспитали как своих детей двух дочерей сестры Елизаветы Константиновны Анны – Елизавету и Руфину).

«Лиза! Счастливых семей и без нас с тобой довольно, – говорил отец Иоанн жене, – а мы отдадим себя всецело Богу и ближним».

Елизавета Константиновна не сразу смирилась с этим решением, она даже обращалась с жалобой к Петербургскому митрополиту Исидору (Никольскому), который не раз вызывал отца Иоанна к себе и по разным поводам строго отчитывал.

В 1867 году отец Иоанн упоминает в дневнике о своих слезах после резкого приема у митрополита, а позже в 1890 году пишет: «Ни разу за тридцать лет он меня не встретил по-отечески, добрым словом или взглядом, но всегда унижительно, со строгостью и суровостью».

Даже в церковном служении в глазах церковного начальства и старших сослуживцев иерей Иоанн Сергиев не был безупречен: слишком беспокоен и «неровен». Отец Иоанн призывал прихожан причащаться не раз в год Великим постом, как все обычно делали, а как можно чаще. Молился он тоже «неровно» и чересчур по-своему – одни слова во время богослужения шептал и говорил протяжно, другие вдруг выкрикивал или произносил скороговоркой. Создавалось впечатление, будто во время литургии он лично, один на один разговаривает с Богом, и кому-то из церковного начальства это казалось недопустимой дерзостью.

Со временем манера отца Иоанна вести богослужение стала еще более эмоциональной. Вот как описывает ее петербургский юрист Анатолий Кони, не слишком благоволивший к кронштадтскому пастырю: «Когда стал читать Евангелие, то голос его принял резкий и повелительный тон, а священные слова стали повторяться с каким-то истерическим выкриком: „Аще брат твой спросит хлеба, – восклицал он, – и дашь ему камень... камень дашь ему!.. Камень! И спросит рыбы, и дашь ему змею... змею дашь ему!.. Змею! Дашь ему камень и змею!“ Такое служение возбуждало не благоговение, а какое-то странное беспокойство, какое-то тревожное чувство, которое сообщалось от одних другим».

Вокруг неугомонного отца Иоанна не было атмосферы благостного, расслабленного умиротворения – своим присутствием он будоражил совесть, мешал жить спокойно и беспечно.

«На первых порах, конечно, пришлось перенести мне много горя и неприятностей, но это не привело в упадок мой дух, а, напротив, еще сильнее укрепляло и закаляло для новой борьбы со злом», – сказал отец Иоанн Кронштадтский в «Автобиографической беседе с сарапульскими пастырями». Под этими словами нужно подразумевать и бесконечные проработки у церковного начальства, и домашние сцены ревности.

«На первых порах» – это примерно первые десять-двенадцать лет священнического служения в Кронштадтском Андреевском соборе.

С первых дней после посвящения в иерея отец Иоанн вел дневник и считал это делом настолько важным, что старался ни дня не пропустить без хотя бы краткой записи. Дневник был

его способом богопознания и самопознания, камертоном, по которому он ежедневно следил за чистотой своих поступков и помыслов. Это была его каждодневная, откровенная исповедь перед Богом.

«Что мой дневник? – писал отец Иоанн в 1865 году (ему было тридцать шесть лет). – Не похвала моя. Он – история грехопадений моих!»

Из многолетних дневниковых записей и размышлений отца Иоанна Кронштадтского выросла его книга «Моя жизнь во Христе» – настоящая энциклопедия духовной жизни.

Личные дневники отца Иоанна Кронштадтского теперь изданы и поражают той беспощадностью, с какой отец Иоанн относился к малейшим проявлениям в себе гордыни, лени, неискренности.

С каждым годом среди прихожан Андреевского собора у иерея Иоанна Сергиева появлялось все больше почитателей, и одна из них, пожилая благочестивая женщина Параскева Ивановна Ковригина, сыграла в его жизни особую роль. Она безоговорочно поверила в силу молитв отца Иоанна и первой начала приглашать его в дома своих кронштадтских и петербургских знакомых отслужить молебен и помолиться о чем-то исцелении.

В дневнике отца Иоанна Кронштадтского есть важная запись, сделанная 19 февраля 1867 го да, когда он сам признал, что чудо исцеления произошло именно по его молитве: «Господи! Благодарю Тебя, яко по молитве моей, чрез возложение рук моих священнических исцелил еси отрока (Костылева)».

В беседе с сарапульскими пастырями отец Иоанн говорил, что никогда не предпринимал никаких усилий для того, чтобы стать известным – это произошло помимо его желания и воли. Священника из Кронштадта все чаще приглашали в дома петербургской знати. Случаи исцеления больных, которых доктора признали безнадежными, публиковали в петербургских газетах. Отца Иоанна стали называть новым российским чудотворцем.

Сохранились воспоминания очевидцев его чудес, из которых понятно: главным и необходимым условием для свершения чуда были вера и искреннее обращение к Богу самого страждущего. Всякий раз после исцеления безнадежно больного отец Иоанн говорил торжественно: «Слава Богу, никто как Бог!»

Священник Василий Шустин описал визит отца Иоанна к его отцу, заболевшему горловой чахоткой, которому, по приговору докторов, оставалось жить не больше десяти дней: «В это время как раз вернулся в Кронштадт из одной своей поездки отец Иоанн. Послали ему телеграмму. Дней через пять он приехал к нам. Прошел к отцу в спальню, взглянул на него и сразу воскликнул: „Что же вы мне не сообщили, что он так серьезно болен! Я бы привез Святые Дары и приобщи́л бы его“. Мой отец умоляюще смотрел на батюшку и хрипел. Тогда батюшка углубился в себя, и, обращаясь к отцу, спрашивает: „Веришь ли ты, что я силою Божию могу помочь тебе?“ Отец сделал знак головой. Тогда отец Иоанн велел открыть ему рот и трижды крестообразно дунул. Потом размахнувшись ударил по маленькому столику, на котором стояли разные полоскания и прижигания. Столик опрокинулся, и все склянки разбились. „Брось все это, – резко сказал отец Иоанн, – больше ничего не нужно. Приезжай завтра ко мне в Кронштадт, и я тебя приобщу Святых Тайн. Слышишь, я буду ждать...“»

На следующий день больного в морозную, ветреную погоду на санях повезли через море по льду из Ораниенбаума в Кронштадт – такой глубокой была его вера в силу молитвы кронштадтского пастыря. По возвращении домой все раны в горле больного оказались затянуты, и делавший осмотр профессор Военно-медицинской академии по горловым болезням Н. П. Симановский во всеуслышание заявил: «Это невиданно, это прямо чудо!» После этого отец священника Василия Шустина прожил еще двадцать пять лет.

«...Много чудес очевидных совершилось и ныне совершается. В этом я вижу указание Божие мне, особое послушание от Бога молиться за всех, просящих себе от Бога милости. Поэтому я никому не отказываю в своей молитве и для посещения болящих езжу по просьбам

их по всей России», – спокойно говорил отец Иоанн о своей репутации великого чудотворца в автобиографической беседе с сарапульскими пастырями. Он писал в дневнике, что в глубине души считает себя «неможным и грешным паче всех» и воспринимает свой дар как указание от Бога помогать людям и с помощью чудес укреплять в них веру.

Вместе с известностью к отцу Иоанну стали приходить деньги, все больше денег. Обычно он не отказывался от платы в домах петербургской знати, не слишком интересуясь, лежат в конверте пять рублей или пятьсот – все эти деньги шли на благотворительность. Священник из Кронштадта делал большие пожертвования на строительство храмов, в монастыри, школы, больницы, различные благотворительные общества, говоря: «У меня своих денег нет. Мне жертвуют, и я жертвую». За помощью к отцу Иоанну обращались погорельцы, бедные студенты, которым нечем было заплатить за учебу, разорившиеся купцы. На его домашний адрес приходили сотни, а потом и тысячи писем с различными просьбами.

Ведением переписки отца Иоанна и денежной отчетностью уже занимался целый штат секретарей. Через них проходили огромные суммы – по разным подсчетам, от ста пятидесяти тысяч до миллиона рублей в год. К слову сказать, некоторые помощники отца Иоанна сколотили себе на его популярности целые состояния, помогая устраивать личные встречи с чудотворцем.

Теперь отец Иоанн раздавал милостыню нищим строго два раза в день: каждому по десять копеек утром на пропитание и еще десять вечером – на оплату ночлега, чтобы не бродяжничали по городу. В некоторые дни количество просителей, которых прозвали «строем отца Иоанна», доходило до тысячи человек. В назначенное время неимущие выстраивались длинными шеренгами перед домом отца Иоанна, и каждый «десятский» получал рубль для раздачи десяти товарищам. Но все равно эта помощь беднякам была каплей в море...

Через семнадцать лет своего священнического служения отец Иоанн решил построить в Кронштадте Дом трудолюбия, чтобы люди могли сами честным трудом зарабатывать себе на пропитание.

В 1872 году в газете «Кронштадтский вестник» было опубликовано воззвание отца Иоанна к пастве с призывом помочь ему в строительстве Дома трудолюбия. Был создан попечительский совет, в который вошли преданные почитатели кронштадтского пастыря – от богатейших фабрикантов до простых рабочих. Для покупки земельного участка и закладки здания потребовалось девять лет, больше года продолжалось строительство.

К сожалению, через год первый выстроенный в Кронштадте Дом трудолюбия сгорел. В «веселом заведении», расположенном неподалеку, вспыхнул пожар, который перекинулся на соседние дома... Но уже через год на том же месте стараниями благотворителей было выстроено новое, прекрасно оборудованное четырехэтажное здание. Со временем Дом трудолюбия превратился в целый рабочий городок, где в пеньковых, картузных и швейных мастерских трудилось до семи тысяч человек. Здесь были бесплатная начальная школа, приют для детей-сирот, богадельня для неимущих стариков, ночлежный дом на сто с лишним коек, содержавшиеся на «Иоанновские миллионы» в образцовом порядке.

Для обитателей ночлежки даже выписывали две ежедневные газеты.

Популярность отца Иоанна еще больше возросла в народе после того, как в октябре 1894 года он был срочно вызван из Кронштадта в Ливадию напутствовать умирающего императора Александра III.

В дневнике отец Иоанн оставил запись, как помазал императора перед смертью елеем от чтимой чудотворной иконы и старался облегчить его страдания: «...Государь Император выразил желание, чтобы я возложил мои руки на главу его, и я долго держал их. Государь находился в полном сознании, просил меня отдохнуть, но я сказал, что не чувствую усталости, и спросил его:

– Не тяжело ли Вашему Величеству, что держу долго руки мои на главе Вашей?

– Напротив, мне очень легко, когда вы их держите, – сказал он. Потом ему угодно было сказать: Вас любит русский народ.

– Да, – отвечал я, – Ваш народ любит меня».

В феврале 1895 года протоиерей Иоанн Сергиев был назначен настоятелем Кронштадтского Андреевского собора – до того он почти сорок лет служил в его штате одним из священников.

Все эти годы – от безвестности и репутации городского юродивого до всероссийской славы – образ жизни отца Иоанна оставался неизменным. Как всегда, он просыпался около четырех часов утра, после келейной молитвы ехал в Андреевский собор, где проводил богослужение, а примерно после полудня садился в карету и объезжал по приглашениям дома жителей Кронштадта или ехал в Петербург. Летом в столицу через Финский залив можно было добраться на пароходе, зимой – по льду на лошадях.

«Лицо было свежее, всегда с ярким румянцем, происходившем оттого, что отец Иоанн ежедневно, зиму и лето, во всякую погоду переезжал через море в Петербург и обратно», – поясняет близко знавший кронштадтского пастыря Я. В. Ильяшевич в своей книге «Отец Иоанн Кронштадтский» (изданной под псевдонимом И. К. Сурский).

Спал отец Иоанн мало, примерно три-четыре часа, питался скромно, хотя, как он сам говорил о себе, «никогда не показывал себя ни постником, ни подвижником».

Знаменитый профессор душевных и нервных болезней Иван Алексеевич Сикорский писал об Иоанне Кронштадтском: «Несмотря на свои шестьдесят три года, он выглядит человеком, имевшим не более сорока пяти лет: он постоянно бодр, свеж, неутомим. Недостаточный сон и крайнее напряжение сил, которое требует его сложная миссия, не только не оказывают вредного воздействия на его здоровье, но, по-видимому, только укрепляют и закаляют его на новые подвиги».

Во время Великого поста отец Иоанн отменял поездки в Петербург и по вечерам принимал исповедь в Андреевском соборе. Иногда исповедь длилась с двух часов дня до двух ночи с небольшими перерывами, но принять всех желающих просто физически было невозможно – люди ехали исповедоваться в Кронштадт к отцу Иоанну со всей России. С какого-то времени на правах настоятеля отец Иоанн ввел у себя в храме общую исповедь – новое и исключительное явление в русской церковной жизни.

«После полного окончания литургии батюшка обратился к народу со словом, главное содержание которого – призывание всех к покаянию. Говорил он около часа времени, и речь его дышала искренностью и, как таковая, производила глубокое впечатление на народ. Окончив проповедь, он властным голосом сказал:

– Кайтесь все во всех грехах своих без утайки.

Сам же, воздев руки, поднял глаза к небу и начал молиться Господу Небесному о ниспослании прощения грехов грешному народу.

Трудно описать волнение, охватившее присутствовавших...

Поднялся общий вопль, все более и более усиливающийся. Все начали громко называть свои грехи, ибо каждый был занят самим собою и не слушал других. Батюшка окончил свою молитву, но плач и крик не прекращались. Он смотрел пристально то направо, то налево, смотрел на отдаленных, обращался к кому-то со словами „Кайся!“, „Смотри, не делай больше так!“ От этих его действий народ еще больше плакал...» (Поездка в Кронштадт. Из воспоминаний И. Княгницкого).

Имя отца Иоанна не сходило с газетных страниц. Его враги и тайные недоброжелатели (а их было очень много) словно соревновались друг перед другом в злословии и клевете.

«...Смущали их и карета, в которой ездил отец Иоанн, и собственный его пароход, и шелковые рясы, и бриллиантовые кресты, которые он носил. О, близорукие люди! Они не знали, что для самого отца Иоанна шелк имел такое же значение, как и рогожа; что бриллианты для

него были не дороже песка, который мы попираем ногами, что все подобные знаки почитания и любви он принимал не для себя, а ради любивших его, дабы не оскорбить их добрые чувства к нему и расположение к тому святому делу, которому служил он всю жизнь свою», – с горечью писал об этом митрополит Антоний (Храповицкий).

Особенно много неприятностей доставляли отцу Иоанну его особо рьяные почитатели, которых пресса окрестила «иоаннитами». В своем преклонении они зашли так далеко, что во всеуслышание называли отца Иоанна новым воплощением Иисуса Христа, Господа Саваофа или пророка Илии. К началу XX века из иоаннитов образовалась особая секта (у них была даже своя «Богоматерь» – Порфирия Киселева), которая не подчинялась ни церковным властям, ни самому Иоанну Кронштадтскому.

Называя себя «апостолами батюшки Иоанна», иоанниты разъезжали по российской глубинке, последними словами клеймили Церковь и духовенство и превозносили отца Иоанна Кронштадтского как «единственного» в России правильного пастыря. Они призывали неграмотный народ в деревнях бросать работу, продавать дома и ехать спасаться в Кронштадт – этот «второй Иерусалим».

По просьбе Священного Синода отец Иоанн несколько раз самолично разбирался с нелепыми баснями, делал публичные заявления, что он не имеет никакого отношения к «невежественным и неосмысленным» людям, но ересь иоаннитов оказалась на редкость живучей.

К сектантам примкнули многочисленные мошенники, которые «причащали» в глубинке доверчивый народ святой водой из Андреевского собора – «всего по рублику», торговали песком, по которому якобы ходил отец Иоанн, и под видом пожертвований для батюшки вымогали деньги. В Кронштадте появились якобы «филиалы» Дома трудолюбия, приюты и частные работные дома, где эксплуатировался детский труд. Громкие скандальные истории выходили на поверхность – и снова в них звучало имя кронштадтского пастыря, раздражая церковные власти и вызывая насмешки либеральной общественности.

Конечно, больше всех от иоаннитов и, особенно от иоанниток, пострадал сам отец Иоанн – обезумевшие женщины даже кусали его в храме во время причастия, чтобы «причаститься святой кровью».

Сильно возмутил отца Иоанна получивший широкое распространение в народе акафист, сочиненный неким крестьянином Иваном Пономаревым, в котором кронштадтский пастырь воспевался как «Бог во плоти», «Судия всему миру», «Триединый Господь». Отец Иоанн ответил сочинителю публично, напечатав в 1903 году в газете «Костромские ведомости» открытое письмо: «Чего, чего ты не нагромоздил, каких неподражаемых богохульств? Никакому здравомыслящему человеку читать невозможно бесчисленных несуразностей в твоём книгомарательстве».

К началу XX века популярность отца Иоанна в России достигла невероятных масштабов: народ почитал его, как нового Николая Чудотворца, и, может быть, даже еще больше, ведь чудеса происходили у всех на глазах. В каждом городе на ярмарках продавались большие фотографии отца Иоанна с надписью «Дорогой батюшка», платки, кружки и другие сувениры с его изображением, открытки с видами Кронштадта и Андреевского собора, Чехов писал после поездки на Сахалин: «В какой бы дом я ни заходил, я везде видел на стене портрет отца Иоанна Кронштадтского».

Выходили в свет книги, брошюры и даже журнал с рассказами о чудесах кронштадтского пастыря, рассчитанные в первую очередь на невежественных читателей.

Как рассказывает епископ Серафим (Чичагов), однажды обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев, обеспокоенный немыслимой популярностью кронштадтского пастыря, вызвал его в Петербург и спросил:

– Ну вот, вы там молитесь, больных принимаете, говорят, чудеса творите; многие так начинали, как вы, а вот чем-то кончите?

– Не извольте беспокоиться, – ответил дивный батюшка в своей святой простоте, – потрудитесь дождаться конца!

За несколько лет до кончины на отца Иоанна было совершено покушение, о котором он не велел никому говорить, опасаясь погромов и беспорядков. В тот день, как обычно, после службы его повезли к больному. «На заклатие меня везете», – несколько раз повторил по дороге отец Иоанн своим спутникам, но они не придали значения его словам. Когда вошли в квартиру, хозяева пропустили первым в комнату отца Иоанна и быстро заперли дверь на ключ, оттеснив сопровождающих. Женщины заподозрили неладное, побежали за кучером. К счастью, кучер оказался человеком богатырской силы: он вышиб дверь плечом и увидел, как какие-то изуверы пытаются задушить отца Иоанна подушками. Кучер разбросал убийц и на руках отнес почти бездыханного священника в карету.

«Однажды я приехал к нему, а он был очень болен. Матушка, жена его, говорит, что завезли его в какую-то трущобу и там жестоко избили, – вспоминает священник Василий Шустин. – Матушка вообще мало нам рассказывала про жизнь отца Иоанна. Называла она его „брат Иоанн“, так как и в действительности он никогда не был ее мужем. Она хотела даже разводиться с ним и подавала на него в суд. Но он был непреклонен, и она смирилась. Теперь она тоже состарилась, у нее болели ноги, она не могла самостоятельно передвигаться, но о себе не заботилась, а только о „брате Иоанне“.

После покушения отец Иоанн долго болел и так до конца не поправился. Но больше всего его мучило другое: обладая даром прозорливости, он понимал, какие страшные беды принесет начавшаяся в России революционная смута.

И. К. Сурский вспоминает одну из пророческих проповедей отца Иоанна во время службы в подворье Леушинского монастыря:

«– Кайтесь, кайтесь, приближается ужасное время, столь ужасное, что вы и представить себе не можете!

Он не говорил, а кричал, поднимая руки кверху. Впечатление было потрясающее, ужас овладевал присутствующими, в храме раздавались вопли и рыдания. Мы с женой недоумевали, что же это будет: война, землетрясение, наводнение? Однако по силе слов пророка мы понимали, что будет много ужаснее... Игуменья же Таисия, восьмидесятилетняя старица, спросила отца Иоанна:

– Когда же, батюшка, это время будет?

– Мы с тобой, матушка, не доживем, а вот они, – он указал на монахинь, – доживут.

Теперь же все, конечно, понимают, про какое время говорил отец Иоанн».

В дневниковых записях Иоанна Кронштадтского за май – ноябрь 1908 года («Предсмертный дневник») много размышлений и молитв о будущем России: «Господи, Владыко царств и народов! Разгони вскоре изменническую Думу Государственную... избери угодных Тебе людей. Господи, вразуми студентов, вразуми власти, дай им правду Твою и силу Твою, державу Твою».

Иоанниты распространяли по России слухи, что отец Иоанн Кронштадтский – бессмертный, а сам он все чаще говорил близким: «Я должен буду скоро оставить эту землю».

С начала 1905 года отец Иоанн почти все время болел, но, несмотря на постоянные боли и слабость, все так же ежедневно служил в Андреевском соборе.

Летом 1908 года отец Иоанн попросил докторов откровенно высказаться о состоянии его здоровья, и по результатам осмотра ему было рекомендовано отказаться от совершения богослужений и как можно больше времени проводить на свежем деревенском воздухе.

«...От богослужений, от постов и молитв за болящих никогда не откажусь, покуда болезнь окончательно не прикует меня к постели, – сказал отец Иоанн, выслушав докторов. – Только один из ваших советов я исполню: поеду, как и каждый год, в Архангельскую губернию».

Но летом 1908 года отец Иоанн так и не доехал до Суры, а сделал «малый круг» по Волге, посетив Леушинский Иоанно-Предтеченский монастырь (в деревне Леушино Новгородской губернии) и Вауловский Успенский скит Свято-Иоанновского женского монастыря в Ярославской губернии.

«Он был уже очень слаб, почти ничего не мог кушать, мало разговаривал... но служил ежедневно в соборном храме», – вспоминает настоятельница Леушинской обители матушка Таисия (Солопова), духовная дочь и многолетний друг отца Иоанна.

10 декабря отец Иоанн отслужил свою последнюю в жизни литургию в Андреевском соборе, причем заключил ее «довольно пространным словом, хотя и... был настолько слаб, что его вынесли из собора на руках».

Отец Иоанн Кронштадтский скончался утром 20 декабря 1908 года в Кронштадте на 80-м году жизни и был похоронен в Петербурге, в основанном им Иоанно-Богословском монастыре.

Его похороны не поддаются описанию – рыдала вся Россия.

После смерти отца Иоанна Кронштадтского многие стали говорить о том, что одно из главных его чудес – он сам, пытались разгадать загадку появления святого такого масштаба в России как раз накануне революции.

Писатель Борис Константинович Зайцев «глазами ребенка» дает ключ к разгадке этой тайны, вспоминая о посещении в 1895 году отцом Иоанном Кронштадским Калужской гимназии (писатель тогда был гимназистом): «Помню его подвижное, нервное лицо народного типа с голубыми, очень живыми и напряженными глазами. Разлетающиеся, не тяжелые с проседью волосы. Ощущение острого, сухого огня. И малой весомости. Будто электрическая сила несла его. Руки всегда в движении, он ими много жестикулировал... В памяти моей теперь представляется, что он как бы пролетел по шеренгам и унесся к новым людям, новым благословениям... Так огромный электромагнит заставляет метаться и прыгать стрелки маленьких магнитиков».

Заряд веры... В святом Иоанне Кронштадтском он был такой силы, что его хватило не только на современников, но и на несколько последующих поколений, которым предстояли времена гонений.

В июне 1964 года в Нью-Йорке Собор епископов Русской Православной Церкви Заграницей признал «праведного отца Иоанна Кронштадтского Божиим угодником, причисленным к лику святых, в земле Российской просиявших». 8 июня 1990 года отец Иоанн Кронштадтский был прославлен Русской Православной Церковью для общецерковного почитания.

Преподобномученица великая княгиня Елизавета Федоровна (1864-1918)

В моей жизни было столько радости, в скорби – столько безграничного утешения, что я жажду хоть частицу этого отдать другим.

1 января 1891 года, великая княгиня Елизавета Федоровна наконец-то набралась решимости написать отцу, великому герцогу Гессен-Дармштадтскому Людвигу IV о своем намерении перейти в Православие. «Я все время думала и читала, и молилась Богу указать мне правильный путь и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога...», – писала Елизавета Федоровна или, как звали ее домашние, – Элла.

Она выросла в семье лютеран и не хотела признанием в любви к «русской вере» причинять боль родным – отцу, бабушке, королеве английской Виктории, брату Эрнесту, сестрам Виктории, Ирене и Алисе. Но откладывать признание было невозможно и нечестно.

Осенью отец приезжал в Россию, гостил у них с мужем в подмосковном имении Ильинском, но серьезного разговора о вере как-то не получилось. Может, и к лучшему? В письме можно найти более точные, убедительные слова...

«...Это было бы большим грехом оставаться так, как я теперь – принадлежать к одной Церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж.

Вы не можете себе представить, каким он был добрым, что никогда не мог принудить меня никакими средствами, представляя все это совершенно одной моей совести».

Конечно, отец может подумать, что она решила перейти в Православие исключительно из любви к мужу, великому князю Сергею Александровичу, а также из уважения ко всей императорской семье Романовых. А брат Эрнест заметит с неподражаемой иронией: «Наша Элла всегда любила все прекрасное, вот ее и очаровал внешний блеск русской Церкви, пышные православные обряды». Но в том-то и дело, что глубину православной веры трудно объяснить и понять умом, ее можно узнать только сердцем.

Теперь странно вспоминать, какое смущение испытала Елизавета Федоровна семь лет назад, когда после свадьбы они с мужем поехали в Троице-Сергиеву лавру. Она впервые увидела старинные русские храмы, очереди паломников к мощам Преподобного Сергия Радонежского и в полной мере осознала религиозность своего избранника. Сергей во время службы тоже опускался на колени, с благоговением прикладывался к образам, а Елизавета Федоровна, чтобы хоть как-то выразить уважение к русским святыням, делала перед каждой иконой низкие реверансы. Но потом вслед за мужем тоже поцеловала крест и руку священнику, назвав это в письме к бабушке, английской королеве Виктории, «жестом вежливости».

Когда осенью Елизавета Федоровна сообщила мужу о своем намерении принять Православие, у него – с его-то военной выдержкой! – от радости на глазах блеснули слезы. Сергей сразу же поделился новостью с двоюродным братом – великим князем Константином Константиновичем Романовым, чья супруга Елизавета Маврикиевна, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, была протестанткой. Это вселяло надежду, что когда-нибудь и она пересмотрит отношение к русской вере.

За последним в уходящем году совместным ужином в Аничковом дворце с семьей императора Александра III, старшего брата Сергея, Елизавета Федоровна объявила, какое важное событие ожидает для себя в новом году. Родственники мужа были очень рады и при этом многозначительно переглянулись. Все знали о взаимной любви цесаревича Николая и принцессы Гессен-Дармштадтской Алисы (как называли ее близкие – Аликс или Пелли), младшей сестры Елизаветы Федоровны. На пути к их браку стояло много препятствий, и одно из них – разное вероисповедание. Выйдя замуж за наследника российского престола, Аликс должна будет перейти в Православие (на великих княгинь это условие не распространялось) и, возможно, теперь ей будет легче решиться на этот шаг.

5 января великая княгиня Елизавета Федоровна написала цесаревичу Николаю, которого в эти дни не было в Петербурге (он совершал большое путешествие по странам Востока и находился то ли в Сингапуре, то ли на острове Ява): «Дорогой Ники! Первые мои строки, посланные тебе в новом году, надеюсь, принесут новость, которая доставит тебе удовольствие. Я наконец решила присоединиться к вашей религии и хочу сделать это к Пасхе, чтобы иметь возможность причаститься на Страстной неделе. Это великий шаг, так как для меня начнется новая жизнь, однако я верю, что Господь благословит такое решение».

Переход великой княгини Елизаветы Федоровны в Православие совершился 13 апреля, в Лазареву субботу. На следующий день великий князь Константин Константинович Романов (известный в литературе под псевдонимом «КР») сделал в своем дневнике запись: «Трогательный обряд присоединения совершился у Сергея в его домовую церковь, рано утром. Присутствовали государь, все семейство (кроме Михен и моей жены, которым как лютеранкам было неудобно присутствовать), некоторые близкие знакомые. За обедней Элла причастилась».

Император Александр III благословил невестку иконой Нерукотворного Спаса, с которой Елизавета Федоровна не расставалась до конца жизни. День перехода в Православие она ежегодно отмечала как большой праздник.

Обряд получился особенно трогательным, потому что был окрашен прощанием: после Пасхи великий князь Сергей Александрович с супругой покидали Петербург и переезжали в

Москву. 26 февраля, в свой день рождения, император Александр III объявил о назначении им младшего брата, великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатором Москвы.

Такое ответственное назначение для тридцатичетырехлетнего Сергея Александровича Романова, командира Преображенского полка в Санкт-Петербурге, стало полной неожиданностью и знаком высокого доверия. Московский генерал-губернатор фактически был государственным наместником во всей Центральной России: помимо Москвы, в его ведение входило управление еще десятью губерниями.

«После семи счастливых лет нашей супружеской жизни, которую мы провели с нашими дорогими родственниками и друзьями здесь, в Петербурге, теперь мы должны начать совершенно новую жизнь и оставить нашу уютную семейную жизнь в городе. Мы должны будем сделать так много для людей там...», – писала отцу великая княгиня Елизавета Федоровна.

Ей было двадцать шесть лет, когда в один год вся ее жизнь разом переменялась...

В мае 1891 года москвичи радостно, с музыкой и цветами, встречали на вокзале прибывших на поезде в Москву нового генерал-губернатора с супругой. Но в высшем свете назначение великого князя Сергея Александровича Романова восприняли настороженно: близкий родственник царя, к тому же – из Петербурга...

Прежний генерал-губернатор Москвы, коренной москвич князь Владимир Андреевич Долгоруков, тридцать пять лет находился на посту столичного градоначальника. За это время москвичи успели изучить все подходы к своему «удельному князю». По сравнению с прежним градоначальником великий князь Сергей Александрович с его военной дисциплиной и неподкупностью казался неприступным, по-петербургски «холодным».

Супруга московского генерал-губернатора по статусу считалась первой дамой Москвы, ей было положено открывать губернские балы, присутствовать на всевозможных торжествах, юбилеях, церемониях открытия общественных заведений. Великая княгиня Елизавета Федоровна писала отцу, что «горит желанием вести тихую личную жизнь», но теперь, чтобы поддержать мужа, постоянно была на виду.

Московские дамы обсуждали платья, дорогие украшения, манеры молодой «губернаторши» – все было безупречно. По воспоминаниям современников, Елизавета Федоровна обладала редкой красотой и была похожа на сказочную заморскую принцессу. Великий князь Константин Константинович Романов, впервые увидев невесту двоюродного брата, записал в дневнике: «Она показалась рядом с императрицей, и всех нас словно солнцем ослепило. Давно я не видывал подобной красоты. Она шла скромно, застенчиво, как сон, как мечта...»

Елизавета Федоровна познакомилась с будущим мужем, когда они были еще детьми. Сергей приезжал с матерью, русской императрицей Марией Александровной, в Германию. Элла всегда восхищалась правдивым характером, благородством, храбростью великого князя Сергея Александровича (в молодые годы он сражался на русско-турецкой войне), и не сомневалась, что будет с ним счастлива в семейной жизни. Их связывали глубокая нежность, понимание, общие вкусы в искусстве – это был брак по взаимной любви. Они старались ни на день не разлучаться, а если все-таки это случалось, ежедневно отправляли друг другу письма или телеграммы. Сергей Александрович с нежностью называл супругу «мое дитя» и «прелестное существо», она подписывала свои письма «твоя очень любящая маленькая жена».

Даже внешне они были похожи: высокие, светлоглазые, с аристократически тонкими чертами лица, в общении с окружающими – сдержанно-доброжелательные, немногословные. Лишь самые близкие знали, сколько горестей им вместе пришлось пережить...

«...Как мы все были счастливы год назад... Какой это был год для нас всех. Куда ни помотришь – везде горе. Я так надеюсь, что холера не придет к нам, – писала Елизавета Федоровна в июле 1892 года своей бабушке, английской королеве Виктории, объясняя, почему им

снова пришлось отложить поездку в Англию. – Конечно, это будет долгом Сергея, как генерал-губернатора, оставаться в Москве, и, конечно, я буду с ним».

Прошел всего год после переезда в Москву, но за такой небольшой срок – «езде горе» и два больших несчастья в семье.

Как обычно, на лето в Ильинское, подмосковное имение Сергея Александровича, приехал погостить его младший брат Павел Александрович с молодой женой и годовалой дочкой Марией.

«Вы знаете, как Сергей всегда жил для своего брата, обращаясь с ним скорее как с сыном. Он имеет такое любящее сердце...» – писала Елизавета Федоровна отцу об отношениях мужа с братом Павлом.

Двадцатилетняя супруга Павла, великая княгиня Александра Георгиевна ждала второго ребенка. В результате несчастного случая начались преждевременные роды: она родила мальчика, а сама, не приходя в сознание, умерла. Смерть молодой, жизнерадостной женщины стала для всех страшным потрясением.

Ребенок, названный Дмитрием, родился очень слабым. Следуя рекомендациям врачей, его всю осень выхаживали в Ильинском. Великий князь Сергей Александрович сам купал младенца в специальных бульонных ваннах (тогда для недоношенных детей не было инкубаторов). У Елизаветы Федоровны и Сергея Александровича не было своих детей. С тех пор Мари и «бэби» Дмитрий воспитывались в их семье.

Не прошло и полгода после трагедии, как на Елизавету Федоровну обрушилось новое большое горе: после непродолжительной болезни в Дармштадте скончался ее отец, великий герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг IV. По странному совпадению, он ушел из жизни 1 марта, в тот же день, что одиннадцать лет назад отец Сергея, император Александр II, погибший от бомбы террориста.

Великая княгиня Елизавета Федоровна год носила траур по отцу, стараясь вместо балов и банкетов устраивать в губернаторском доме концерты. Охотнее всего она занималась делами благотворительности: посещала больницы для бедняков, тюрьмы, дома престарелых, делала пожертвования в различные благотворительные организации.

Внезапно на всех обрушилась неизлечимая болезнь императора Александра III, старшего брата Сергея. Государь скончался в Ливадии 20 октября 1894 года. В эти печальные дни Елизавета Федоровна была рядом с мужем – сначала в Крыму, затем в Петербурге, где проходили торжественные похороны царя, а для них – дорогого Саши.

Вскоре после похорон в Петербурге состоялось бракосочетание молодого императора Николая II и двадцатидвухлетней Алики, отныне Александры Федоровны Романовой. В связи с трауром свадебная церемония была насколько возможно скромной.

«Ее обращение в Православие прошло прекрасно... Поддержкой было то, что она после этого приняла Святое Причастие вместе с Ники, Минни и со мной», – писала Елизавета Федоровна бабушке о свадьбе младшей сестры. – Это дало нам силы, чтобы пройти через это тяжелое время... Вся страна оплакивает своего любимого Миротворца, как называют Сашу, и выражают сочувствие этой молодой паре, которая, начиная свою новую жизнь у смертного ложа, показывает такую свою глубокую религиозность».

Весной 1896 года, в день Святителя Николая Чудотворца царская чета торжественно въехала в Москву. 14 мая состоялась пышная коронация императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Торжество омрачилось трагедией на Ходынском поле: на народных гуляньях с раздачей подарков и угощениями началась страшная давка, множество людей были задавлены насмерть или ранены. И хотя организацией празднеств в честь коронации, в основном, занималось министерство Императорского двора, в трагедии на Ходынском поле обвиняли и московского генерал-губернатора. Обстановка в Москве накалялась, волны недоброжелательности к властям проникали в частную жизнь. В высшем свете обсуждали отношения

супруги столичного градоначальника и императрицы, распускали слухи об их тайном соперничестве.

В феврале 1901 года террорист смертельно ранил министра просвещения Николая Петровича Боголепова, а спустя всего несколько дней в Санкт-Петербурге было совершено покушение (к счастью, неудачное) на обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева, известного своими монархическими и патриотическими взглядами. Победоносцев был учителем великого князя Сергея Александровича, в политических взглядах они являлись единомышленниками.

В апреле 1902 года новой жертвой террора стал министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин. Убийца нагло явился к нему под видом адъютанта московского генерал-губернатора и со словами «Вам срочный пакет от великого князя Сергея Александровича» выстрелил в министра в упор.

Занимать государственные должности и служить верой и правдой царю в России становилось опасным для жизни. В списке намеченных жертв у террористов стояло и имя генерал-губернатора Москвы.

В январе 1904 года Россия вступила в русско-японскую войну за контроль над Маньчжурией и Кореей. Одна из современниц Елизаветы Федоровны, в то время молодая, только что начавшая выезжать в свет девушка, оставила свои воспоминания о великой княгине в тот период: «На следующем балу она была еще красивее; на ней был белый туалет с рассыпанными по платью бриллиантовыми звездами и с такими же бриллиантовыми звездами на волосах. Она походила на сказочную царевну... И вдруг как гром среди ясного неба – война с Японией. Все балы и приемы были отменены. Спешно устраивались лазареты для раненых, открывались мастерские для шитья белья и заготовки бинтов» (Н. Балусева-Арсеньева «Великая княгиня Елизавета Федоровна (из личных воспоминаний)»).

Елизавета Федоровна развернула в Москве широкую благотворительную помощь русским солдатам. С разрешения московского генерал-губернатора все залы Кремлевского дворца, кроме Тронного, были заняты под мастерские женского труда. Под началом Елизаветы Федоровны женщины шили солдатское обмундирование, собирали для отправки на фронт продукты и медикаменты, устраивали благотворительные аукционы.

Летом 1904 года Россию потрясло убийство министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве – эсер-террорист бросил в его карету бомбу. В покушении на Плеве принимал участие член боевой организации партии эсеров, выходец из Варшавы Иван Каляев, который в случае неудачи держал наготове вторую бомбу...

«Веяния нехорошие, проявления прямо революционные, нужно называть вещи своими именами без иллюзий. Время напоминает мне скверные времена моей молодости! – еще несколько лет назад писал великий князь Сергей Александрович государю. – Твердо, круто, сильно нужно вести дело, чтоб не скользить дальше по наклонной плоскости. Полумерами довольствоваться теперь нельзя».

Осенью 1904 года московский генерал-губернатор Сергей Александрович Романов подал в отставку. Возможно, последней каплей, переполнившей чашу его терпения, послужило убийство террористами министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве и назначение на его место Петра Дмитриевича Святополк-Мирского, призывавшего к сближению с либеральной оппозицией.

Государь подписал прошение об отставке, оставив за дядей пост командующего Московским военным округом.

Елизавета Федоровна с мужем и племянниками, Марией и Дмитрием, переехали из губернаторского дома в Александрийский дворец в Нескучном саду, но вскоре перебрались в Николаевский дворец в Кремле возле Чудова монастыря – казалось, что там безопасней.

Утро 4 февраля 1905 года Елизавета Федоровна долго вспоминала в мельчайших подробностях. За завтраком Сергей находился в хорошем настроении: накануне он получил от императора миниатюрный портрет покойного государя Александра III в обрамлении лаврового венка из золота и с удовольствием разглядывал подарок. Зато сама Елизавета Федоровна, как она потом говорила близким, с самого утра испытывала безотчетную тревогу и тоску. Обычно она не вмешивалась в дела мужа, а тут впервые чуть не со слезами на глазах стала уговаривать Сергея отказаться от предстоящей поездки в Петербург.

Днем Сергей Александрович решил съездить в губернаторский дом, чтобы забрать некоторые оставшиеся после переезда личные вещи. Елизавета Федоровна должна была подъехать туда позже.

Между двумя и тремя часами дня великий князь выехал из Николаевского дворца. Карета уже доехала до окружных ворот, как вдруг раздался сильный взрыв. Елизавета Федоровна побледнела и со словами «Это Сергей!» выбежала на улицу. Кто-то на ходу успел набросить ей на плечи плащ.

Террорист Иван Каляев, переодетый ямщиком, с расстояния в четыре шага бросил бомбу в карету великого князя Сергея Александровича. Предполагают, что бомба упала ему на колени. Смерть сорокавосемилетнего великого князя последовала мгновенно.

«На Сенатской площади, не доходя до Никольской площади, уже толпился народ. Ее хотели не допустить, но она пробилась к месту, где лежали останки бедного Сергея – часть туловища с ногою, оторванная рука, обрывки тела, платье. Она припала к кисти его правой руки, сняла кольца. Лицо ее было в крови несчастного. Нашлись обрывок золотой цепочки и уцелевшие тельный крест и образки», – так великий князь Константин Константинович описал в дневнике события, произошедшие на месте взрыва.

Позднее Елизавета Федоровна говорила сестре, принцессе Виктории, что в эти страшные минуты думала только об одном: «Скорее, скорее – Сергей так ненавидел беспорядок и кровь».

К месту трагедии на извозчике примчался адъютант великого князя, Владимир Федорович Джунковский, который вспоминал: «Трудно описать грустную картину, представившуюся моим глазам, – полная тишина вокруг, народу мало, солдаты и офицеры несут что-то покрытое солдатской шинелью, за которую придерживается великая княгиня со спокойным лицом».

Удивительное самообладание Елизаветы Федоровны отмечали все, кто видел ее в эти трагические дни. Великая княгиня не плакала на людях, лишь белое, неподвижное, словно окаменевшее лицо выдавало ее глубокую, невыразимую скорбь. Она лично отвечала на многие письма и телеграммы с соболезнованиями и, как вспоминают, тихо и неподвижно стояла на коленях у гроба мужа во время панихид, которые служились почти без перерыва, с утра до позднего вечера. Должно быть, именно тогда Елизавета Федоровна испытала утешительную силу православной веры с ее долгими заупокойными службами и молитвами за души ушедших в мир иной.

«Элла изумительна: она делает все, что должно, думая только о других, но не о себе, принимает всех желающих выразить ей участие, часто ходит ко гробу, на панихиды, которые то и дело служат различные общества, учреждения, полки, заведения, и, кроме того, на официальные в два и восемь», – записал в дневнике великий князь Константин Константинович, приехавший на похороны из Петербурга как официальный представитель от семьи Романовых. Государя с императрицей отговорили ехать в Москву из опасения новых терактов.

В день трагедии Елизавета Федоровна навестила в больнице получившего тяжелые ранения кучера великого князя Андрея Рудинкина. Очнувшись, он первым делом спросил о Сергее Александровиче, и врачи не стали волновать больного печальным известием. Великая княгиня нарочно приехала в Яузскую больницу не в трауре, а в светлом платье и во время разговора с больным не проронила ни слезинки. На вопросы о здоровье Сергея Александровича, она тихо сказала: «Он направил меня к вам...»

Но особенно всех поразило, когда через три дня после гибели мужа Елизавета Федоровна посетила в тюрьме его убийцу Каляева, уговаривая его покаяться и подумать о спасении своей души.

«...Элла ездила к убийце Сергея; она долго говорила с несчастным и дала ему образок... Такое мужество, такая высота души прямо невероятны. Она – святая», – записал в дневнике изумленный великий князь Константин Константинович.

В дни прощания с великим князем Сергеем Александровичем по просьбе великой княгини Кремль был открыт для свободного прохода, и народ шел к гробу бывшего генерал-губернатора Москвы непрерывным потоком. На средства Елизаветы Федоровны во всех народных домах и столовых «Попечительства о народной трезвости Москвы» были устроены поминальные обеды для москвичей. По подсчетам устроителей, с 12 февраля по 15 марта, сороковой день кончины великого князя, по благотворительным билетам было выдано сорок пять тысяч бесплатных обедов.

По прошествии сорока дней, Елизавета Федоровна съездила в Ильинское, где они с Сергеем провели столько счастливых дней. В одиночестве бродила великая княгиня по заснеженным дорожкам парка, смотрела с террасы двухэтажного дома на застывшие воды Москвы-реки. Еще недавно они вместе с мужем пили на балконе дома утренний кофе, катались на лодке, играли в теннис, принимали гостей – каждый летний гостевой домик имел свои шуточные названия: «Приют для приятелей», «Пойми меня», «Миловид», «Кинь грусть»... Все эти радости для Елизаветы Федоровны умерли с гибелью Сергея. На будущее лето она решила разместить в Ильинском госпиталь для раненых.

О своем посещении Ильинского Елизавета Федоровна написала Николаю II в двух строках: «Я была в Ильинском, в Усове, на службе в церкви. Все там словно уснуло в снегу».

После гибели мужа Елизавета Федоровна уничтожила все письма Сергея и свои тоже – из их личной переписки случайно уцелели лишь несколько телеграмм и коротких писем.

Родственники настойчиво звали Елизавету Федоровну уехать из России. Свое решение она изложила в письме брату, великому герцогу Эрнесту Людвигу Гессенскому: «...Ничто не сможет заставить меня оставить это место. Но я буду жить или умру здесь. Мне кажется, что я вросла в это место, и я не боюсь. Я вполне спокойна и счастлива, да, счастлива сознавать, что мой дорогой находится в мире близко от Бога и что он не переживает это ужасное время» (письмо от 19 ноября 1905 года). Из этого письма видно, насколько трезво оценивала Елизавета Федоровна то, что происходило в России: «Все идет от худшего к худшему, и не надо строить себе никаких иллюзий, что лучшее время наступит через несколько месяцев. Мы живем во времена революции. Как все обернется – никто не знает, так как правительство такое слабое, или, скорее сказать, кажется, что его не существует...»

Точно не известно, когда именно возникла у Елизаветы Федоровны мысль создать в Москве в память о муже обитель молитвы, труда и милосердия. Но уже в конце 1906 года она распродала свои драгоценности и великолепные наряды, чтобы купить дом с садом на Большой Ордынке для будущей Марфо-Мариинской обители. Название пришло от имен двух сестер Лазаря, воскрешенного Иисусом Христом: труженицы Марфы и молитвенницы Марии.

Великая княгиня Елизавета Федоровна решила объединить все лучшее, что она видела в русских монастырях и западных благотворительных учреждениях: Марфо-Мариинская обитель была похожа и на монастырь, и на благотворительную больницу, и на социальную службу помощи обездоленным.

«Моя жизнь сложилась так, что с блеском в большом свете и обязанностями по отношению к нему покончено из-за моего вдовства, – писала Елизавета Федоровна своей близкой подруге Александре Николаевне Нарышкиной (письмо от 20 января 1909 года). – Я одинока – люди, страдающие от нищеты и испытывающие все чаще и чаще физические и моральные

страдания, должны получать хотя бы немного христианской любви и милосердия – меня это всегда волновало, а теперь стало целью моей жизни».

Конечно, Елизавета Федоровна не ожидала, что ее решение полностью посвятить свою жизнь христианскому служению ближнему вызовет сильный общественный резонанс.

«Я была поражена, когда разразилась целая буря: меня пытались удержать, запугать трудностями, и все это с такой любовью и добротой – и с полным непониманием моего характера...» – с удивлением писала она государю Николаю II (письмо от 18 апреля 1909 года).

Одни поднимали на смех желание бывшей первой дамы Москвы по своей воле проводить жизнь среди нищих и калек, другие упрекали ее в гордости, третьи опасались за здоровье великой княгини.

«Многим кажется, что я взяла неподъемный крест и либо пожалею об этом и сброшу его, либо рухну под его тяжестью. Я же приняла это не как крест, а как дорогу, полную света, которую указал мне Господь после смерти Сергея, и стремление к которой уже много-много лет назад появилось в моей душе. Не знаю, когда – кажется, мне с самого детства очень хотелось помогать страждущим», – объясняла она императору Николаю II.

Елизавета Федоровна искала поддержки у императора еще и потому, что столкнулась с неожиданными препятствиями. Она хотела возродить древний институт диаконис, но некоторые из духовенства стали упрекать ее в протестантизме.

Было решено разработать для Марфо-Мариинской обители особый устав и признать, что речь идет о совершенно новом для России благотворительном учреждении.

Обитель святых Марфы и Марии не случайно начала свою деятельность 10 февраля 1909 года – ровно четыре года назад в этот день в Чудовом монастыре хоронили великого князя Сергея Александровича Романова.

Покровский собор Марфо-Мариинской обители, Москва. Современный вид

Через два месяца состоялось торжественное посвящение великой княгини Елизаветы Федоровны в настоятельницы Марфо-Мариинской обители и посвящение первых семнадцати

женщин в сестры по утвержденному Священным Синодом чину – остальные находились на испытании и готовились принять посвящение позже. О том, насколько этот день был важным в жизни великой княгини, видно по одному из ее писем императору Николаю II – она воспринимала посвящение как переход на новую ступень своей христианской жизни. «Через две недели начинается моя новая жизнь, благословленная в Церкви. Я как бы прощаюсь с прошлым, с его ошибками и грехами, надеясь на более высокую цель и более чистое существование. Для меня принятие обетов – это еще нечто более серьезное, чем для юной девушки замужество. Я обручаюсь Христу и Его делу, я все, что могу, отдаю Ему и ближним, я глубже ухожу в нашу Православную Церковь и становлюсь как бы миссионером христианской веры и дела милосердия...» (письмо от 27 марта 1910 года).

Отныне великая княгиня Елизавета Федоровна вела жизнь христианской подвижницы и сестры милосердия: спала на деревянной кровати без матраца на жесткой подушке, нередко проводила ночи без сна у постели больных, сама ассистировала при операциях и делала перевязки. Каждый день настоятельницы был заполнен молитвой и множеством неотложных дел, как у Марии и Марфы. После гибели мужа ее жизнь снова обрела смысл.

«Впервые по посвящении в настоятельницы созданной ей общины появилась Элла, вся в белом, с апостольником, покрывающим голову и лоб, с белым платком поверх апостольника, с наперстным крестом и четками», – записал в дневнике великий князь Константин Константинович 6 мая 1910 года. Он встретил приехавшую на день рождения государя Елизавету Федоровну в Петербурге и был поражен, насколько она была не похожа на прежнюю блистательную светскую даму. Это была уже другая, духовная красота. «От нее веет святостью без ханжества; столько простоты и искренности» (15 июля 1910 года).

В Первую мировую войну великая княгиня каждый день навещала в госпиталях Москвы раненых, в том числе немцев и австрийцев. По столице поползли слухи, будто настоятельница Марфо-Мариинской обители дает деньги врагам и вообще является немецким шпионом, а по ночам на Ордынку по тайному переходу для переговоров к ней приходит брат Эрнест.

В июне 1915 года, когда великая княгиня Елизавета Федоровна возвращалась из Петербурга с похорон своего близкого друга, великого князя Константина Константиновича Романова, ее автомобиль забросали камнями. Хулиганы выкрикивали злобные ругательства, плевались, бросались угрозами в адрес господ – у некоторых были красные банты на груди... Один камень попал в шофера и ушиб ему плечо, но Елизавета Федоровна даже не шелохнулась, только лицо ее стало мертвенно-бледным, как в минуты глубоких переживаний. Россия катилась в пропасть революции...

«Время летит так незаметно, что уже не различаешь ни дней, ни лет – все сливается в один миг молитвы и милосердия... Сегодня двадцать пять лет, как я присоединилась к нашей возлюбленной Церкви, – писала Елизавета Федоровна императору 13 апреля 1916 года. – Мы отстояли литургию и большой молебен, священники дарили мне иконы... Душой я была с Папа, Мама, моей крестной и Сергеем, вновь переживая все эти годы – через месяц будет двадцать пять лет, как я в Москве».

Время и впрямь закрутилось с немыслимой быстротой. 2 марта 1917 года император Николай II отрекся от престола за себя и за своего сына – наследника Алексея в пользу брата, великого князя Михаила Александровича Романова. На следующий день думские заговорщики «уговорили», точнее заставили отречься от престола и великого князя Михаила. С его отречением закончилась история почти трехсотлетнего царствования династии Романовых в России.

«Народ – дитя, он не повинен в происходящем... он введен в заблуждение врагами России», – не раз говорила Елизавета Федоровна сестрам обители.

Большевики арестовали настоятельницу Марфо-Мариинской обители в апреле 1918 года, на третий день после Пасхи, и дали всего полчаса на сборы. Елизавете Федоровне разрешили взять с собой двух сестер – с ней в Сибирь поехали Варвара Яковлева и Екатерина

Янышева. Великую княгиню повезли в арестантском вагоне сначала в Пермь, затем в Екатеринбург, где в то время содержалась под арестом царская семья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.